

Сергей Патрушев

Хранители времени

Сергей Патрушев
Хранители времени

«Автор»

2026

Патрушев С.

Хранители времени / С. Патрушев — «Автор», 2026

«Хранители времени» — это захватывающая история о любви, магии и выборе, разворачивающаяся в мистическом Петербурге. Обычный зимний вечер в ресторане на набережной становится началом невероятного путешествия для двух друзей — бедного писателя Лени и успешного бизнесмена Марата. Случайная встреча с двумя девушками, Аней и Настей, запускает цепь событий, в которых реальность переплетается с магией. Герои оказываются втянуты в тысячелетнюю историю противостояния магов света и тьмы, находят древний камень времени, путешествуют в прошлое и сталкиваются с могущественными существами — духами, хранителями и вампирами. На кону — не только их жизни, но и судьба всего мира. В центре повествования — сложные отношения двух пар, их испытания, сомнения, ошибки и искренние чувства. Героям предстоит сделать нелегкий выбор между долгом и любовью, смертью и бессмертием, прошлым и будущим. Это книга о том, что настоящее чудо — не в магии, а в простом человеческом счастье быть рядом с теми, кого любишь.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Сергей Патрушев

Хранители времени

За окнами «Кристалл-95», ресторана, чьи окна выходили прямо на набережную, уже который час кружил снег. Он падал неспешно, торжественно, залепляя фонари липкой белизной и превращая Неву в мутное, тяжелое полотно, по которому, как мысли, скользили одинокие блики. Внутри было тепло и пахло воском, дорогим табаком и едва уловимым ароматом трюфеля, который исходил от каждой тарелки. Скатерти, накрахмаленные до хруста, лежали на столах тяжелым грузом, а в высоких бокалах, похожих на замерзшие слезы, играл огонь камина.

Они сидели друг напротив друга уже больше часа, и за это время официанты, скользящие по паркету, как тени, успели сменить пепельницы трижды.

Тот, что слева, был одет в твидовый пиджак с кожаными заплатками на локтях. Пиджак был хорош, но видно было, что он не новый – воротник чуть потерт, а пуговица на манжете пришита ниткой другого оттенка. Его звали Лёня. Он сидел слегка ссутулившись, словно пытаясь занять меньше места, и его ладонь, лежащая на столе, непроизвольно теребила салфетку, скручивая ее в тугий жгут. В его взгляде, устремленном на собеседника, сквозила та особенная, неловкая благодарность, которую трудно выносить, – смесь усталости и гордости, придавленной обстоятельствами. Перед ним стоял почти нетронутый чай с бергамотом. Он заказал его, потому что чай был самым дешевым в меню, но официант принес целый чайник, фарфоровый, расписной, и Лёне казалось, что этот сервиз кричит о его положении громче любых слов.

Напротив, откинувшись на спинку стула с высокой резной спинкой, сидел Марат. На Марате был угольно-черный кашемир, идеально сидящий по фигуре, и запонки, в которых при каждом движении вспыхивал и тут же гас микроскопический сапфировый огонек. Марат смотрел на друга, и в его лице не было ни снисходительности, ни жалости – только какая-то давняя, мальчишеская растерянность, которую он никак не мог скрыть за привычной маской уверенности. Он не знал, как говорить с Лёней теперь. Три года назад они вместе пили дешевое пиво на лавочке у Лёниного общежития, спорили до хрипоты о Бродском и мечтали уехать. Марат уехал. И вернулся.

Перед Маратом стоял бокал «Шато Марго» двенадцатого года и тарелка с устрицами, которые он почти не тронул. Ему не хотелось ни есть, ни пить. Ему хотелось провалиться сквозь землю от того, как Лёня смотрел на витрину с десертами, когда они заходили, – украдкой, быстро, как вор, который проверяет, нет ли погони. Лёня тогда пошутил, что «сахарное безумие» ему теперь не по карману, и рассмеялся, но смех получился сухим, как шелест осенних листьев.

– Ты не ешь, – заметил Марат, кивнув на пустую тарелку друга.

– Я не голоден, – привычно ответил Лёня, хотя внутри у него противно заныло от запаха жареного ягненка, которого пронесли мимо.

Повисла тишина. Ее заполнял только треск поленьев в камине да приглушенный гул города за толстыми, в полпальца, стеклами. Лёня следил взглядом за струйкой пара от своего чая, которая поднималась вверх и исчезала в полумраке под потолком. Ему казалось, что этот

пар – он сам. Было что-то теплое, настоящее, но оно поднималось все выше и выше, пока не растворялось в той чужой, роскошной жизни, где люстры весят по полтонны и метр паркета стоит его месячной зарплаты.

Марат положил вилку. Тонкий звон металла о фарфор прозвучал неожиданно громко.

– Помнишь, – тихо сказал Марат, и голос его чуть дрогнул, – как мы на вокзале ночевали, когда денег на обратный билет не хватило? Еще кофе из автомата пили по очереди, чтобы согреться.

Лёня поднял глаза. Уголок его рта дернулся в попытке улыбнуться.

– Помню. Ты тогда сказал, что кофе дрянь, но бесплатный запах из вокзальной булочной – лучшее, что с нами случилось.

Марат усмехнулся, но тут же отвел взгляд в сторону, на улицу, где снег уже намел высокие сугробы на парапете набережной. Между ними снова повисло молчание, но теперь оно было другим. Сквозь позолоту и хрусталь, сквозь разницу в толщине кошельков и качестве ткани, пробилась та самая старая, стертая, как пластинка, связь. Бедность тогда была общая, и это делало их богами. Теперь же богатство одного стало стеной, которую ни тот, ни другой не знали, как обойти.

За окном завывала поземка, замата следы прохожих. Внутри, в тепле и свете, двое мужчин сидели друг напротив друга, и расстояние в полметра казалось им шире, чем та самая замерзшая Нева.

Марат подзвал официанта одним едва заметным движением брови – жест человека, привыкшего, что его понимают без слов. Лёня проследил за этим движением и вдруг отчетливо понял, что сам он так не умеет и никогда не научится. Он всегда будет говорить спасибо слишком громко или слишком тихо, всегда будет мяться в дверях, пропуская женщин вперед с такой поспешностью, будто за ними гонится стая собак. Официант склонился к Марату, выслушал шепот и исчез так же бесшумно, как появляется туман над рекой поутру.

– Я заказал десерт, – сказал Марат, не глядя на друга. – Тот самый, с маракуйей и белым шоколадом. Ты любил такие.

Лёня хотел возразить, хотел сказать, что не надо, что он правда не голоден, но язык прилип к небу. Он любил. Когда-то давно, в другой жизни, они с Маратом могли потратить последние деньги на пирожное в венской кофейне, разделить его на двоих маленькой ложечкой и почувствовать себя если не счастливыми, то почти. Тогда сахар казался важнее хлеба.

– Спасибо, – выдохнул Лёня, и это слово вышло каким-то сиплым, чужим.

Он снова уставился в окно. Снегопад усилился. Город за стеклом потерял очертания, превратился в сплошное белое море, в котором изредка вспыхивали и гасли фары запоздалых машин. На подоконнике, с внутренней стороны стекла, скопилась тонкая полоска конденсата – тепло ресторана воевало с холодом улицы, и битва эта была бесконечной. Лёня подумал о своей квартире на окраине, о батареях, которые чуть теплые даже в самый лютый мороз, о том,

как он закутывается в старое шерстяное одеяло и читает при свете настольной лампы, потому что люстра под потолком давно сломалась, а починить ее все некогда.

Марат молчал, рассматривая друга. Он видел эти морщинки у глаз, которых не было три года назад. Видел, как осунулось лицо, как глубоко запали глаза. Но главное – он видел руки Лени, лежащие на столе. Раньше это были руки пианиста – тонкие пальцы, длинные, нервные. Сейчас на указательном пальце правой руки красовался грубый, въевшийся в кожу шрам, а под ногтями – темная полоска, которую не отмыть никаким мылом. Слесарь на полставки в ЖЭКе, вспомнил Марат. Леня писал когда-то гениальные рассказы, их хвалил сам старик из «Знамени», а теперь чинит трубы в подвалах, где пахнет сыростью и кошками.

– Ты бросил писать? – спросил Марат прямо, без предисловий.

Леня вздрогнул, будто его ударили. Он перевел взгляд с окна на друга, и в глазах его мелькнуло что-то похожее на испуг.

– Пишу, – ответил он слишком быстро. – По ночам. Так, ерунду.

– Покажи.

– Нечего показывать.

Они снова замолчали, и в этот момент официант возник у стола с серебряным подносом. На подносе стояла тарелка из тончайшего фарфора, почти прозрачного на свет, а на ней – десерт. Он был прекрасен: идеальный шар из белоснежного мусса, политый золотистым куполом глазури, сбоку – капля ярко-желтого соуса из маракуйи, рядом – тончайшая, как паутинка, сахарная нить, закрученная в спираль. Воздух вокруг наполнился сладким, чуть терпким ароматом тропиков.

Официант поставил десерт перед Леной. Тот смотрел на это произведение искусства и чувствовал, как к горлу подкатывает ком. Это было не просто пирожное. Это было напоминание о том, что он потерял. О времени, когда можно было есть сладкое и не думать о том, сколько дней придется потом доедать гречку.

– Попробуй, – мягко сказал Марат.

Леня взял ложку. Она была тяжелой, серебряной, с вензелями ресторана. Он зачерпнул маленький кусочек, поднес ко рту и закрыл глаза. Вкус взорвался на языке – нежная сладость белого шоколада, тут же пронзенная острой кислоткой маракуйи, и все это таяло, исчезало, оставляя послевкусие, похожее на сон. На секунду Лене показалось, что он снова молод, что впереди целая жизнь и все возможно.

Он открыл глаза и увидел перед собой Марата. И стена между ними стала чуть тоньше.

– Вкусно, – сказал Леня, и голос его прозвучал почти ровно.

Марат улыбнулся – впервые за весь вечер настоящей, не дежурной улыбкой.

– Я знал, что ты вспомнишь.

Снег за окном валил, не переставая, засыпая город, заматавая следы, делая всех немного равными перед лицом этой белой, бесконечной стихии. А в ресторане было тепло, горел камин, и двое мужчин сидели друг напротив друга, разделенные пропастью в три года и соединенные десертом, который когда-то ели на двоих.

Леня ел медленно, растягивая удовольствие с той особой тщательностью, с какой едят люди, не знающие, когда в следующий раз окажутся за таким столом. Ложка за ложкой исчезал белоснежный мусс, обнажая внутри шара кислую сердцевину из маракуйевого конфи – оранжевую, почти светящуюся в теплом свете настольной лампы. Он старался не пропустить ни крошки, и когда тарелка опустела, долго держал во рту последний глоток чая, смешанного со сладостью, пытаясь продлить мгновение.

Марат наблюдал за этим с чувством, которое не мог определить. Это не была жалость – жалость унижительна, он знал. Это была скорее щемящая грусть по тому Лене, который когда-то, в пыльном дворе общежития, читал ему вслух Пастернака, стоя на перевернутом ящике и размахивая руками, как дирижер. Тогда в глазах Лени горел огонь. Сейчас огонь притушили, придавили бытом, заслонили необходимостью выбирать между новыми ботинками и оплатой счетов.

– Пойдем, – вдруг сказал Марат, резко вставая. – Пройдемся.

– Туда? – Леня кивнул на окно, за которым бушевала стихия.

– Именно туда.

Марат расплатился, не глядя на счет, просто сунув в папку черную карту без имени. Леня успел заметить цифру – она превышала его месячный заработок раза в три, а может, и в четыре. Он отвернулся, чтобы не видеть, чтобы не считать, чтобы не сравнивать. Когда они выходили в гардероб, Леня поймал свое отражение в огромном, в полстены, зеркале в тяжелой позолоченной раме. На фоне бархатных портьер и мраморных колонн его потертый пиджак выглядел почти вызывающе бедным, и он поспешил отвернуться, натягивая на плешивое драповое пальто, которое Марат, стоящий рядом в длинном кашемировом, будто и не заметил. Или сделал вид, что не заметил.

Улица ударила в лицо ледяным ветром и колючей крупой. Снег здесь, снаружи, был совсем другим – не тем торжественным, падающим за стеклом, а злым, секущим, норовящим забраться за шиворот. Ресторанная дверь за ними мягко, почти беззвучно закрылась, отсекая тепло, свет и ту жизнь, которая осталась внутри.

Они пошли вдоль набережной. Фонари горели мутно, сквозь пелену снега, отбрасывая на асфальт размытые желтые круги. Нева дышала тяжело, ворочалась под тонким льдом, и в полыньях у берега чернела вода – густая, маслянистая, живая. Снег падал в нее и исчезал мгновенно, будто его и не было.

Леня зябко кутался в пальто, втянув голову в плечи. Ботинки его, разношенные до состояния домашних тапочек, пропускали холод, и ноги быстро занемели. Марат шел рядом, засунув руки в карманы, и, казалось, не замечал погоды – или просто умел не показывать виду.

– Подожди, – остановился вдруг Марат у чугунной ограды.

Он смотрел на реку, на противоположный берег, где редкие огни окон мерцали сквозь снежную круговерть, как блуждающие огоньки. Леня встал рядом, держась за холодный, обледенелый чугун. Перила были увиты тяжелыми гирляндами, но огни в них не горели – только обледеневшие лампочки тускло поблескивали, набитые снегом.

– Ты знаешь, – заговорил Марат, не оборачиваясь, – я там, в Лондоне, часто вспоминал эту набережную. У нас Темза другая. Широкая, серая, деловая. А Нева – она живая. Она дышит, злится, любит.

Леня молчал. Он тоже любил Неву. Когда-то они с Маратом часами бродили здесь, спорили о вечном, курили дешевые сигареты и чувствовали себя частью чего-то большого и настоящего. Тогда им казалось, что весь мир у их ног, стоит только захотеть.

– Я тебя предал, – тихо сказал Марат, все так же глядя на реку.

Ветер выл в ушах, снег залеплял глаза, но Леня расслышал эти слова отчетливо, будто они были сказаны в полной тишине.

– Что?

– Я уехал. А ты остался. Я строил карьеру, пока ты... – Марат запнулся. – Пока ты выживал.

Леня хотел возразить, сказать что-то привычное, успокаивающее, но слова застряли в горле. Потому что это была правда. Горькая, как полынь, правда, которую они оба знали, но никогда не проговаривали вслух.

– Я не виню тебя, – наконец выдохнул Леня. – Ты шел за своей мечтой. Я за своей... не дошел.

– А ты дойдешь, – Марат резко повернулся к нему. В свете фонаря его лицо было странным – мокрым от снега, с блестящими глазами. – Я помогу.

Леня покачал головой. Снег сыпался на его шапку, на плечи, таял на щеках, смешиваясь с чем-то соленым, что вдруг выступило на глазах.

– Не надо, Мар. Не надо меня спасать.

– А я не спасаю. Я возвращаю долг.

– Какой долг?

Марат молчал долго, очень долго. Снег за это время успел припорошить его черное пальто белым, сделав похожим на статую, на памятник самому себе. Наконец он заговорил, и голос его звучал глухо, будто из-под земли:

– Помнишь тот рассказ, который ты написал перед самой моей поездкой? Про мальчишку, который ждал отца с войны сорок пятого, а отец не пришел, и он каждый день ходил на вокзал встречать поезда?

Леня помнил. Этот рассказ он писал три ночи подряд, не спал, не ел, только курил и строчил в общей тетради, а Марат сидел рядом и молчал, чтобы не мешать. Потом они вместе отправили рассказ в журнал.

– Его напечатали, – сказал Марат. – Через полгода после того, как я уехал. В «Новом мире». Ты знал?

Леня замер. Он не знал. Он переехал тогда, потерял старый адрес, почта не доходила, а потом ему стало не до журналов.

– Я узнал случайно, – продолжал Марат. – В интернете нашел. Хороший рассказ, Леня. Сильный. А потом я искал другие – и не нашел. Ты перестал писать. Из-за того, что не знал? Из-за того, что не получил подтверждения?

– Из-за того, что надо было жить, – тихо ответил Леня. – Работа, быт, мама болела... Потом похороны. На творчество времени не оставалось. Да и веры не осталось.

Они стояли на набережной, и ветер бросал им в лица пригоршни снега. А где-то вдали, за мостом, ухал ледокол, пробивая дорогу сквозь январь. И в этом звуке было что-то неумолимое, как само время.

– Я хочу, чтобы ты написал книгу, – сказал Марат. – Я издам. Любым тиражом, в любом оформлении. Просто напиши.

Леня смотрел на него и видел перед собой не преуспевающего бизнесмена в кашемире, а того мальчишку, который когда-то верил в него больше, чем он сам в себя. Снег падал между ними, белый, пушистый, бесконечный, и каждый снежинка была неповторима, как человеческая судьба.

– Я попробую, – сказал Леня. И эти два слова значили больше, чем все десерты мира.

Снег вдруг перестал быть злым. Он словно выдохнул, успокоился, и теперь падал медленно, плавно, крупными хлопьями, которые кружились в свете фонарей, как пух из разорванной перины. В наступившей тишине стало слышно, как где-то далеко, за мостом, лает собака, и как хрустит под ногами редких прохожих свежий, еще не утрамбованный наст.

Они пошли дальше, и Леня уже не чувствовал холода. В груди разгоралось что-то теплое, давно забытое – надежда, что ли. Марат шел рядом, и молчание их теперь было не тягостным, а тем особенным, дружеским, когда слова не нужны, потому что все главное уже сказано.

Они завернули за угол, туда, где набережная делала плавный изгиб, открывая вид на стрелку Васильевского острова. Ростральные колонны стояли во мгле, подсвеченные снизу прожекторами, и казались великанами, сторожащими сон города. И тут Леня увидел Ее.

Девушка стояла у самой воды, облокотившись на парапет, и смотрела вдаль, туда, где за снежной завесой угадывалась Петропавловская крепость. Она была в длинном пальто цвета кофе с молоком, перетянутом в талии широким кожаным поясом, и в ярко-алом берете, который горел на ее голове, как маленький костер посреди белой пустыни. Снег ложился ей на плечи, на берет, на ресницы, но она, казалось, не замечала этого – стояла неподвижно, будто изваяние, будто часть этого зимнего пейзажа, нарисованная тонкой кистью художника.

Леня остановился как вкопанный. Марат прошел еще несколько шагов и тоже замер, обернувшись на друга.

– Ты чего?

Леня не ответил. Он смотрел на девушку, и сердце его колотилось где-то в горле, мешая дышать. Она была прекрасна той особенной, северной красотой, которую не встретишь на юге – тонкие черты лица, бледная кожа, большие глаза, в которых, казалось, отражается вся эта белая ночь, хотя ночь была далеко не белая, а самая что ни на есть зимняя, черная, пронзенная миллионами снежинок.

Девушка почувствовала взгляд. Медленно, словно нехотя возвращаясь из другого мира, она повернула голову и посмотрела на Леню. Взгляд ее скользнул по его потертому пальто, по дешевой шапке, по замерзшим рукам, и Леня готов был провалиться сквозь землю, сквозь набережную, сквозь лед Невы, только бы не видеть этого оценивающего взгляда.

Но она не отвернулась. Она смотрела ему в глаза, и в этом взгляде не было ни презрения, ни жалости – только спокойное, чуть удивленное любопытство.

– Вы не замёрзли? – спросил Леня, и голос его прозвучал хрипло, будто он неделю не разговаривал.

Девушка улыбнулась. Улыбка вышла чуть грустной, чуть отстраненной, как у человека, который привык быть один среди толпы.

– Замёрзла, – ответила она просто. – Но здесь красиво. Не могу уйти.

Голос у нее был низкий, с легкой хрипотцой, и в нем слышалось что-то такое, от чего у Лени внутри все перевернулось. Он сделал шаг вперед, потом еще один, приближаясь к ней, будто подчиняясь неведомой силе.

Марат остался стоять в стороне. Он смотрел на эту сцену с улыбкой, которая вдруг стала понимающей и чуть печальной. Он узнал это выражение на лице друга – так Леня смотрел когда-то на первые издания любимых книг, на редкие пластинки в магазине, на картины в Русском музее. Это был взгляд человека, который встретил прекрасное и боится спугнуть.

– Я Леня, – сказал он, останавливаясь в шаге от девушки. – А вы?

– Аня, – ответила она. – Очень приятно.

Она протянула руку в тонкой кожаной перчатке, и Леня пожал ее, чувствуя сквозь холод кожи тепло ее пальцев. Рукопожатие длилось секунду, может быть, две, но ему показалось – вечность.

– Вы здесь одна? – спросил он, кивнув в сторону пустынной набережной.

– Жду подругу, – Аня вздохнула, и пар от ее дыхания смешался со снегом. – Но она, видимо, не придет. Уже полчаса стою.

– Может быть, она застряла в пробках? – предположил Леня, хотя сам понимал, как глупо это звучит – какие пробки в такой снегопад, когда машин почти нет.

– Может быть, – согласилась Аня, но в голосе ее не было надежды.

Она отвернулась, снова посмотрела на реку, и Леня вдруг остро почувствовал, что не может вот так просто уйти. Не может оставить ее здесь, одну, посреди этой белой круговерти, с этой грустью в глазах.

– Послушайте, – начал он, и голос его дрогнул. – Мы с другом собирались выпить кофе. Там, – он махнул рукой в сторону ресторана, из которого они только что вышли, – есть отличное место. Может быть, подождете подругу там? В тепле?

Он сказал это и сразу испугался. Что она подумает? Что он пристает? Что он какой-нибудь уличный ловелас в дешевом пальто? Но Аня посмотрела на него долгим взглядом, потом перевела глаза на Марата, стоящего поодаль, и вдруг улыбнулась – светло, открыто, совсем не так, как прежде.

– А ваш друг не будет против?

– Мой друг будет только за, – раздался голос Марата, который неслышно подошел сзади. – Я Марат. Очень рад.

Он говорил с той естественной уверенностью, которая дается деньгами и положением, но в его тоне не было ни капли снисходительности – только искреннее желание помочь другу.

Аня колебалась секунду, другую. Снег падал на ее алый берет, на темные ресницы, и в этом обрамлении она казалась сказочной героиней, сошедшей со страниц старинной книги. Наконец она кивнула.

– Хорошо. Только ненадолго. Вдруг подруга все-таки появится?

– Мы будем у окна, – сказал Леня. – Вы увидите, если она придет.

Они пошли обратно к ресторану. Леня и Аня впереди, Марат чуть сзади, давая им пространство. Леня украдкой смотрел на свою спутницу – как она идет, чуть наклоняясь вперед, борясь с ветром, как поправляет выбившуюся из-под берета прядь темных волос, как смешно и трогательно хрустит снег под ее изящными сапожками. Ему казалось, что он видит сон, и сейчас он проснется в своей холодной квартире, и ничего этого не будет.

В дверях ресторана их встретил тот же швейцар в длинной ливрее. Он взглянул на Леню, потом на Аню, и в его глазах мелькнуло что-то похожее на одобрение. Марат прошел первым, бросив на ходу несколько слов метрдотелю, и их проводили к тому же столику у окна – будто он все это время ждал их возвращения.

Внутри было все так же тепло, пахло воском и кофе, и камин все так же весело потрескивал, разбрасывая золотистые искры. Аня сняла пальто, оставшись в тонком светло-сером свитере крупной вязки, который облегал ее фигуру мягко и уютно. Алый берет она положила рядом с собой на стул – яркое пятно на темной обивке.

Леня помог ей сесть, сам устроился напротив, и только сейчас заметил, что руки его дрожат. Не от холода – от волнения. Марат сел сбоку, заняв позицию наблюдателя, и жестом подозвал официанта.

– Что будете? – спросил Марат, обращаясь к Ане.

– Глнтвейн, – ответила она, чуть подумав. – Безалкогольный, если можно. Я за рулем.

– Здесь лучший глнтвейн в городе, – заметил Марат. – С апельсином и корицей, на яблочном соке.

Он сделал заказ – глнтвейн для Ани, чай для Лени, кофе для себя, и еще принесла какая-то корзиночка с домашним печеньем, которую Леня даже не заметил, когда заказывали.

Повисла тишина, но не неловкая, а та особенная, предвкушающая, когда люди только начинают узнавать друг друга. Аня смотрела на Леню, и в ее взгляде уже не было той отстраненной грусти, с которой она стояла у парапета. Было любопытство, интерес и что-то еще, что Леня боялся назвать даже про себя.

– Вы давно здесь живете? – спросила она просто, чтобы начать разговор.

– всю жизнь, – ответил Леня. – Родился и вырос. А вы? Вы не похожи на коренную петербурженку.

– Почему? – удивилась она.

– Не знаю, – Леня смутился. – В вас есть что-то... южное. Может быть, в глазах. В них тепло.

Аня рассмеялась – тихо, мелодично, и смех этот разлился в воздухе, как музыка.

– Вы угадали. Я из Краснодара. Учусь здесь, в университете, на филолога.

– На филолога? – переспросил Леня, и голос его дрогнул. – Я тоже филолог. Только уже закончил.

– Правда? – глаза Ани загорелись. – А кем работаете?

Леня запнулся. Что сказать? Что он слесарь на полставки? Что его диплом пылится на полке, пока он чинит чужие унитазы?

– Я пишу, – сказал он вдруг, сам удивляясь своей смелости. – Рассказы. Пытаюсь писать книгу.

– Как интересно! – Аня подалась вперед, опершись локтями о стол. – А что за книга? О чем?

И Леня начал рассказывать. Сначала робко, сбивчиво, но потом, видя ее живой, неподдельный интерес, увлекся. Он говорил о своем герое, мальчишке из послевоенного Ленинграда, о его мечтах и потерях, о той тонкой грани между надеждой и отчаянием, на которой балансирует каждый человек. Аня слушала, не перебивая, и в глазах ее разгорался тот самый огонь, который Леня давно не видел ни в ком.

Марат сидел молча, потягивая кофе, и чувствовал, как внутри разрастается тепло. Он смотрел на друга – преображенного, вдохновенного, живого, – и понимал, что этот вечер, эта случайная встреча у реки, может быть, станет тем поворотом, которого Лене так не хватало.

За окном все так же падал снег. Он ложился на подоконник, на карнизы, на крыши припаркованных машин, укутывая город в белое безмолвие. А в ресторане, за столиком у окна, двое говорили о книгах, и между ними рождалось что-то, чему нет названия, но что делает жизнь стоящей.

Глинтвейн принесли в высоком прозрачном бокале, украшенном долькой апельсина и палочкой корицы, от которой поднимался тонкий, пряный дух. Аня взяла бокал обеими ладонями, согревая замерзшие пальцы, и сделала маленький глоток. Глаза ее довольно прищурились, на верхней губе осталась крошечная капелька, которую она тут же смущенно слизнула.

– Божественно, – выдохнула она. – Спасибо, что позвали. Я бы там, наверное, в сосульку превратилась.

– Не за что, – улыбнулся Леня и поймал себя на том, что не может отвести от нее взгляд. Как она держит бокал, как чуть склоняет голову набок, слушая, как ветер за окном, как поправляет прядь волос, падающую на лицо – каждое движение отзывалось в нем сладкой, щемящей нотой.

В этот момент дверь ресторана открылась, впуслав клуб морозного воздуха и снежинок, и на пороге появилась девушка. Она была полной противоположностью Ане. Если Аня казалась тихим, уютным огоньком в камине, то эта девушка ворвалась в зал, как фейерверк. Длинные светлые волосы рассыпались по плечам медовым водопадом, короткая шубка из белого меха была распахнута, открывая взгляду облегающее черное платье, которое сидело на ней так, будто было сшито по меркам самим дьяволом. Высокие сапоги на каблуках цокали по паркету с уверенностью победительницы, а глаза – ярко-синие, с хитринкой – уже обшаривали зал в поисках добычи.

– Аня! – воскликнула она голосом, в котором звенели колокольчики и одновременно слышалась сталь. – Прости, ради бога! Я такое расскажу – ты не поверишь! Там этот таксист, кошмар...

Она подлетела к столику и только тут заметила, что Аня не одна. Взгляд ее синих глаз скользнул по Лене, задержавшись ровно на секунду – профессионально-оценивающе, – и переместился на Марата. Здесь он задержался дольше. Гораздо дольше.

– Оу, – протянула она с интонацией, которую невозможно было перевести иначе как «вот это да». – А я, кажется, не вовремя?

– Настя, познакомься, это Леня и Марат, – Аня чуть смутилась, но в голосе ее слышалась гордость, словно она хотела похвастаться новыми знакомыми. – Мы только что встретились на набережной. Замерзала там, как дура, а они спасли.

– Спасли? – Настя уже скинула шубку, оставшись в одном платье, и теперь садилась на свободный стул рядом с Маратом, грациозно, по-кошачьи, забрасывая ногу на ногу. – Какие рыцари! Прямо как в сказке. Только обычно принцы на белых конях приезжают, а вы, значит, пешком?

Она рассмеялась, сверкнув идеально белыми зубами, и взглянула на Марата из-под длинных накрашенных ресниц. Взгляд этот был полон обещания, вызова и легкой, дразнящей насмешки.

Марат, привыкший к женскому вниманию, тем не менее чуть растерялся. Таких женщин он знал хорошо – они вились вокруг его денег, вокруг его положения, вокруг его машины и часов. Но Настя была другой. В ней чувствовалась порода, но порода не денежная, а какая-то своя, дикая, непредсказуемая.

– Пришлось пешком, – ответил он с легкой усмешкой. – Белые кони в такую погоду скользят.

– А вы остроумны, – Настя прищурилась, разглядывая его запонки, часы, идеальный покрой пиджака. – Это приятно. А то вокруг одни скучные миллионеры, только и знают, что про биржу говорить.

Леня покраснел за Марата, но тот лишь рассмеялся – легко, искренне.

– Я постараюсь не говорить о бирже. Честное слово.

Аня смотрела на подругу с легким беспокойством. Она знала эту ее манеру – брать быка за рога, окружать мужчину таким плотным кольцом обаяния, что он и опомниться не успевал, как попадал в сети. Но Марат, кажется, и не думал сопротивляться. В его глазах загорелся азартный огонек – охотник встретил достойную дичь.

– А вы чем занимаетесь? – спросила Настя, подперев щеку рукой и глядя на Марата в упор. Вопрос был адресован ему, но взгляд ее на секунду скользнул по Лене, и в этом взгляде мелькнуло что-то странное – не жалость, нет, скорее любопытство. Как у кошки, увидевшей незнакомую птицу.

– Инвестиции, – коротко ответил Марат. – Немного недвижимость. Скука смертная, как видите.

– О, не скажите, – Настя качнула головой, и волосы ее блеснули в свете ламп. – В умелых руках даже скука может стать интересной.

Официант подошел к столу, и Настя, не глядя в меню, заказала какой-то замысловатый коктейль с шампанским и клубникой, при этом умудрилась ни разу не прервать зрительного контакта с Маратом.

Леня и Аня оказались словно в своем маленьком пузыре. Шумная, яркая Настя и спокойный, уверенный Марат создавали вокруг себя поле такой энергии, что они невольно отодвинулись друг к другу, ища убежища в тишине.

– Она всегда такая? – тихо спросил Леня, кивнув в сторону Насти.

– Всегда, – вздохнула Аня, но в вздохе этом не было осуждения, скорее нежная усталость старшей сестры. – Она моя подруга с первого курса. Мы как небо и земля, но почему-то вместе. Она меня вытаскивает из грусти, а я ее – из передрыг.

– Из передрыг?

– Ну... – Аня замялась. – Настя любит жить на полную катушку. Иногда это заканчивается приключениями.

За соседним столиком Настя уже рассказывала Марату какую-то историю про то, как они с Аней ездили прошлым летом на море и заблудились в горах, и жестикулировала так активно, что едва не опрокинула бокал. Марат слушал, улыбался и, кажется, наслаждался каждым моментом. Он давно не встречал такой живой, непосредственной женщины – обычно его окружение состояло либо из деловых партнеров, либо из светских львиц, отрепетировавших каждый жест.

– Она ему нравится, – заметил Леня, наблюдая за другом.

– А он ей, – откликнулась Аня. – Я Настю знаю. Когда она так смотрит... это серьезно.

– Марат тоже не из тех, кто разменивается по мелочам, – сказал Леня и вдруг почувствовал укол ревности. Не к Марату, нет. К тому, как легко и естественно эти двое нашли общий язык, как искрят их диалоги, как танцуют их взгляды. Он посмотрел на Аню – она сидела тихо, сжимая в руках остывающий бокал с глинтвейном, и смотрела на подругу с той особенной любовью, которая бывает только у настоящих друзей.

– А вы? – спросил он тихо. – Вы тоже любите приключения?

Аня повернулась к нему, и в глазах ее мелькнуло что-то новое – лукавство, которого он раньше не замечал.

– Смотря какие, – ответила она, чуть наклонив голову. – Прыгать с парашютом – нет, спасибо. А вот забраться на крышу и смотреть на город сверху – да. Или уехать в Выборг зимой, когда там никого нет, и бродить по пустым улочкам. Или...

Она запнулась, покраснела и отвела взгляд.

– Или что? – спросил Леня, чувствуя, как сердце начинает биться чаще.

– Или сидеть вот так, в тепле, за окном снег, и разговаривать с незнакомцем, который вдруг стал... незнакомцем, – договорила она почти шепотом.

За соседним столиком Настя вдруг громко рассмеялась и хлопнула Марата по руке, требуя, кажется, еще один коктейль. Тот послушно подозвал официанта, и в этом жесте было столько мужской покорности, что Леня едва не рассмеялся. Никогда он не видел друга таким.

– Смотрите, – кивнул он на них, – кажется, мы здесь лишние.

– Ой, да они вообще забыли про нас, – улыбнулась Аня. – Настя, когда в ударе, заполняет собой все пространство.

– Может быть, нам тоже стоит... ну, не знаю... заказать что-нибудь? – предложил Леня, чувствуя неловкость от того, что они сидят почти молча.

– А может быть, – Аня вдруг решительно поставила бокал на стол, – может быть, нам выйти?

– Выйти? – не понял Леня. – Куда? Там же снег, холодно...

– Ну и что? – в глазах ее заплясали веселые чертики. – Вы говорили, что всю жизнь здесь живете. А я, между прочим, так и не видела, как выглядит Исаакий в снегопад. Или Дворцовая. Вы можете показать?

Леня смотрел на нее и не верил своим ушам. Она предлагала ему, ему, оборванцу в дешевом пальто, прогулку по зимнему городу? Она, такая красивая, такая утонченная, хотела идти с ним в снег?

– Но ваша подруга... – начал он, кивая на Настю.

– Переживет, – отрезала Аня. – Тем более, у нее теперь есть компания.

Она уже накидывала пальто, повязывала шарф, и алый берет снова занял свое место на темных волосах. Леня встал, чувствуя, как дрожат колени. Он подошел к Марату, который в этот момент что-то увлеченно рассказывал Насте, и тихо сказал:

– Мы прогуляемся.

Марат поднял глаза, перевел взгляд с Лени на Аню, стоящую в пальто у вешалки, и понимающе улыбнулся.

– Идите. Мы тут... посидим еще.

Настя проводила их взглядом и, когда дверь за ними закрылась, повернулась к Марату.

– Ну вот, – сказала она с притворной обидой. – Бросили нас. Что будем делать?

– Есть предложения? – Марат смотрел на нее в упор, и в глазах его было то самое выражение, с которым опытный игрок садится за карточный стол.

Настя улыбнулась медленной, опасной улыбкой.

– О, предложений много. Но боюсь, до утра не переслушаем.

А на улице, в снежной круговерти, Леня и Аня шли по набережной, и он, забыв о холоде, о своей неловкости, о потертом пальто, рассказывал ей о городе – о каждом мосте, о каждом доме, о каждой легенде. Она слушала, иногда останавливаясь, чтобы поймать ртом снежинку, и смеялась, и снег падал на ее алый берет, и Леня чувствовал, что это самый счастливый вечер в его жизни.

Они шли вдоль набережной, и город казался вымершим. Снег залепил окна старинных особняков, превратив их в слепые глазницы, фонари горели вполсилы, и только Нева тяжело дышала где-то справа, ворочаясь под ледяной коркой. Леня рассказывал о доме, где жил Довлатов, о квартире Ахматовой в Фонтанном доме, о том, как Бродский гулял здесь ночами, сбегая от тоски и от себя самого. Аня слушала, иногда останавливаясь, чтобы стряхнуть снег с ресниц, и в глазах ее горел тот особенный огонь, который зажигается только тогда, когда человек слышит родное.

– Вы так любите этот город, – сказала она тихо, когда они остановились у спуска к воде. – Это чувствуется в каждом слове.

– Это не я люблю, – ответил Леня, глядя на противоположный берег, где за снежной пеленой угадывались очертания Петропавловки. – Это он меня не отпускает. Я пытался уехать. После института, когда все рухнуло, думал – уеду в Москву, начну новую жизнь. А он не пустил. Поезда ломались, документы терялись, деньги пропадали. Я понял: это судьба. Я здесь умру.

– Не говорите так, – Аня коснулась его рукава. – Не о смерти. Особенно сегодня.

– А что сегодня? – Леня повернулся к ней.

Она молчала, глядя куда-то в сторону, туда, где за мостом начинались старые кварталы Васильевского. Снег падал на ее лицо, таял на щеках, и в этом мерцающем свете она казалась призраком, видением, которое вот-вот растает.

– Сегодня странный день, – наконец сказала она. – Я с утра чувствовала что-то не то. Воздух другой. И эта встреча... Вы верите в случайности?

– Не знаю, – честно ответил Леня. – Раньше верил. Теперь думаю, что случайностей не бывает. Просто мы не всегда видим нити.

– Нити, – повторила Аня задумчиво. – Хорошее слово.

Они пошли дальше, мимо старых домов с облупившейся штукатуркой и высокими, в рост человека, окнами первого этажа. В одном из таких окон горел свет – желтый, теплый, уютный,

и на подоконнике стоял горшок с геранью. Леня замедлил шаг, глядя на этот островок жизни в снежной пустыне, и вдруг остановился.

– Смотрите, – сказал он, указывая куда-то в сторону арки.

Там, в глубине проходного двора, за чугунной решеткой, виднелся крошечный палисадник. Летом, наверное, там цвели цветы, а сейчас все замело снегом, и только один куст, похожий на сирень, торчал из сугроба голыми ветками. Но не это привлекло внимание Лени. Под кустом, в снегу, что-то светилось.

– Что это? – прошептала Аня, тоже заметившая свечение.

Они подошли ближе. Решетка была старая, кованая, с узором в виде переплетенных листьев, и кое-где прутья отходили от камня, образуя щель, в которую можно было протиснуться. Леня, не думая о последствиях, полез первым, пригибаясь, цепляясь пальто за ржавые завитки. Аня последовала за ним, и через минуту они стояли в палисаднике, засыпанном снегом по колено.

Свечение исходило от камня. Он лежал прямо на снегу, будто его только что положили сюда – черный, гладкий, размером с кулак, с одной стороны абсолютно матовый, с другой – пронизанный золотыми прожилками, которые пульсировали, как живые. От камня исходило тепло – не обжигающее, а приятное, ровное, от которого снег вокруг подтаивал, образуя маленькую воронку.

– Не трогайте, – почему-то шепотом сказала Аня. – Это может быть опасно.

Но Леня уже протянул руку. Пальцы его коснулись гладкой поверхности, и в тот же миг мир вокруг взорвался.

Он не почувствовал боли. Скорее, это было похоже на падение – бесконечное, головокружительное, когда тело летит в пропасть, а сознание цепляется за последние образы уходящего мира. Перед глазами замелькали картины, сменяя друг друга с бешеной скоростью: вот он маленький, бежит по двору, мама зовет обедать; вот школьная линейка, первое сентября, букет гладиолусов тяжелый, руки затекают; вот институт, первая сессия, бессонная ночь над учебниками; вот Марат, молодой, смешной, в растянутом свитере, читает его рассказ и улыбается; вот набережная, та самая, где они стояли час назад, но солнце, лето, жара, и они с Маратом пьют дешевое пиво и мечтают о великом.

А потом все остановилось.

Леня открыл глаза. Он стоял в том же палисаднике, но снега не было. Вокруг цвели кусты сирени, пахло землей и молодой листвой, и солнце светило сквозь кроны деревьев, разбрасывая по траве золотые зайчики. Рядом стояла Аня, но она была в легком платье, без шапки, с распущенными волосами, и смотрела на него круглыми от ужаса глазами.

– Где мы? – прошептала она. – Что случилось?

Леня посмотрел на свои руки. Они были чистыми, без шрамов и мозолей, молодые руки студента, который еще не знает, что такое работать слесарем. Он провел по лицу – гладкое, без морщин. Поднес руку к груди – сердце билось ровно, сильно, как в двадцать лет.

– Камень, – выдохнул он, оглядываясь. – Где камень?

Камень лежал там же, на земле, под кустом сирени, но теперь он не светился. Он был просто черным, холодным булыжником, какие валяются повсюду.

– Вы выглядите моложе, – сказала Аня, разглядывая его. – Намного моложе. И одежда... смотрите!

Леня посмотрел на себя. Вместо потертого пальто на нем была легкая куртка, которую он носил лет десять назад, и джинсы, купленные еще в те времена, когда джинсы были роскошью.

– Это не сон, – сказал он медленно. – Это происходит на самом деле.

Аня вдруг вскрикнула и схватилась за голову. Она смотрела на свои руки, на платье, на босоножки – все это было не ее, вернее, не то, в чем она пришла.

– Я помню этот день, – прошептала она. – Четвертое июня. Две тысячи пятнадцатый год. Я приехала в Петербург поступать, и мы с Настей гуляли в этом районе. И я потеряла сережку, мамину, старинную, здесь, в этом дворе... Мы искали, но не нашли.

Она машинально поднесла руку к уху. В ухе висела сережка – та самая, старинная, с голубым камнем.

– Значит, мы вернулись, – сказал Леня. – Камень вернул нас в прошлое. Но зачем? И почему мы оба помним то, что было?

– Может быть, потому что мы прикоснулись одновременно? – предположила Аня. – Вы держали камень, но я держалась за вас. За руку.

Леня посмотрел на их руки. Они и правда были сцеплены – видимо, в тот момент, когда он схватил камень, Аня инстинктивно ухватилась за него.

– Нам надо найти Настю и Марата, – сказал он. – Они там, в ресторане... то есть, они будут там только через семь лет. Но сейчас, в этом времени, где они?

– Настя здесь, – вдруг сказала Аня, глядя куда-то в сторону арки. – Я помню. Мы должны были встретиться у метро, но я опоздала, потому что искала сережку. А она пошла меня искать и нашла здесь, во дворе. Мы сидели на той скамейке, – Аня кивнула на старую деревянную скамью, – и ели мороженое.

– Значит, скоро она появится, – Леня все еще не мог прийти в себя. Он смотрел на этот двор, залитый солнцем, на цветущую сирень, на кошку, которая лениво потягивалась на крыльце, и не верил, что еще полчаса назад здесь была зима, снег, вечер, и он был старым, уставшим, почти сломленным человеком.

– Что мы будем делать? – спросила Аня, и в голосе ее слышалась паника. – Мы не можем просто... жить дальше? А наши семьи? А всё, что было?

– Я не знаю, – честно ответил Леня. – Но камень дал нам шанс. Зачем-то дал. Может быть, чтобы мы всё исправили. Чтобы я не бросил писать. Чтобы мама не болела, чтобы я успел сказать ей что-то важное. Чтобы ты... чтобы мы...

Он не договорил. В арке показалась Настя. Она была точно такой же яркой, как в ресторане, только моложе, без той легкой усталости во взгляде, которая появляется после многих лет большой жизни. На ней было короткое цветастое платье и смешные очки в красной оправе, а в руке – два стаканчика с мороженым.

– Анька! – закричала она издалека. – Ты где пропадаешь? Я уже всё обыскала! Держи, тает же!

Она подбежала, сунула Ане мороженое, и только тут заметила Леню. Взгляд ее синих глаз скользнул по нему с тем же любопытством, что и в ресторане, но теперь в нем не было расчета – только живой, девичий интерес.

– Ой, а это кто? – спросила она, разглядывая Леню. – Познакомишь?

Аня растерянно посмотрела на подругу, потом на Леню. Как объяснить, что они знакомы уже семь лет? Что этот парень, стоящий перед ней в легкой куртке, через много лет будет сидеть в ресторане, пить чай и рассказывать ей о книгах? Что она видела его старым и уставшим, а теперь он молод, и глаза его горят тем огнем, который, наверное, всегда в нем тлел, но был засыпан пеплом быта?

– Это Леня, – сказала Аня просто. – Мы только что познакомились. Я искала сережку, а он помогал.

– Ага, – Настя прищурилась, переводя взгляд с подруги на Леню. – Помогал, значит. Ну-ну.

Она протянула Лене свободную руку.

– Я Настя. Будем знакомы.

Леня пожал ее руку и вдруг подумал: а ведь Марат сейчас где-то здесь, в этом же городе, в этом же времени. Молодой, еще не уехавший в Лондон, еще не построивший свою империю, еще просто студент, который пишет рассказы и мечтает о великом. И если камент вернул их сюда, может быть, он вернул их не только для того, чтобы исправить свои ошибки, но и чтобы встретиться с ним? Чтобы сказать что-то важное?

– Слушайте, – сказал он, обращаясь к обеим. – А вы не хотите... ну, погулять по городу? Я могу показать. Я здесь всё знаю.

Настя удивленно подняла бровь.

– Прямо всё? – спросила она с той самой интонацией, которая так зацепила Марата в ресторане. – Ну давай, показывай. Только предупреждаю – мы девушки требовательные.

Аня смотрела на Леню, и в глазах ее было столько всего – благодарность, растерянность, надежда и что-то еще, чему она сама не могла подобрать названия. Солнце светило сквозь листву сирени, падало на ее волосы, на плечи, и Леня подумал, что никогда в жизни не видел ничего прекраснее.

– Пойдемте, – сказал он, и голос его звучал твердо, как никогда.

Они вышли из двора на залитую солнцем улицу, и город встретил их шумом машин, головами прохожих, звоном трамваев – всем тем, что составляет жизнь. А камень остался лежать под кустом сирени, черный и холодный, но где-то в глубине его, в самом центре, едва заметно пульсировала золотая искра, готовая в любой момент вспыхнуть снова.

Они шли по городу, и июньское солнце плавало асфальт, превращая его в подобие зеркала, в котором отражалось высокое, белесое от зноя небо. Липы на Невском стояли в пыли, поникшие, уставшие от жары, и только редкие порывы ветра с Невы приносили короткое, обманчивое облегчение. Леня смотрел на знакомые улицы и не узнавал их – слишком яркими были краски, слишком живыми лица прохожих, слишком громкими голоса. В его памяти Петербург остался серым, зимним, засыпанным снегом, а этот город кричал всеми цветами радуги, дышал, пульсировал, жил.

Настя щебетала без умолку, рассказывая о своем поступлении, о экзаменах, о том, какой замечательный у них курс и какие скучные преподаватели. Она то и дело касалась руки Лени, словно проверяя, настоящий ли он, и каждый раз в глазах ее вспыхивал тот самый огонек, который он уже видел в ресторане, только теперь обращенный на него. Леня чувствовал себя неловко – он помнил, как в будущем Настя смотрела на Марата, как искрило между ними, и не знал, как вести себя сейчас, когда Марата нет рядом.

– Ты какой-то странный, – вдруг сказала Настя, останавливаясь посреди тротуара и заглядывая ему в глаза. – Смотришь на всё так, будто видишь впервые. Или в последний раз.

– Наверное, и то, и другое, – ответил Леня, и это было чистой правдой.

Аня шла чуть поодаль, задумчивая, погруженная в себя. Она все еще не могла принять реальность происходящего – этот солнечный день, это лето, эта молодость, вернувшаяся к ней так внезапно. Она помнила всё: как семь лет спустя будет стоять на набережной в алом берете, как встретит этого человека, как сядет с ним в ресторане, как потом они пойдут по снегу и найдут камень. Но теперь снега не было, и будущее, которое она знала, рассыпалось в прах.

Они свернули с Невского в переулок, где было тише, где дома стояли плотнее друг к другу, загоравшая солнце, и сразу стало прохладнее. Здесь пахло сыростью и котами, и на подоконниках первых этажей сохло белье, вывешенное заботливыми руками. Где-то играла музыка – Высоцкий, старые записи, хриплый голос пробивался сквозь открытое окно: «И помни, что главное – чтобы тебя не съели...»

– Стойте, – вдруг сказала Аня, останавливаясь так резко, что Настя едва не налетела на нее.

– Что? – Настя обернулась.

– Тень, – прошептала Аня, глядя куда-то в конец переулка. – Смотрите.

Они посмотрели. В конце переулка, там, где он упирался в глухую стену старого дома, не было ничего, кроме мусорных баков и чахлого деревца. Но тень от этого деревца вела себя странно – она росла, ширилась, заливала стену чернильной темнотой, хотя солнце стояло высоко и никаких других теней вокруг не было.

– Это не... – начал Леня, но договорить не успел.

Тень отделилась от стены.

Она поднялась, как поднимается тяжелое, густое тесто, формируясь в человеческую фигуру – высоченную, неестественно худую, закутанную в плащ, который струился черным дымом. Лица не было – только два провала глаз, в которых горели багровые угли, и рот – широкая, рваная щель, полная тьмы.

– Бежим! – крикнул Леня, хватая девушек за руки.

Но ноги не слушались. Они приросли к асфальту, будто корни пустили, и с ужасом смотрели, как фигура приближается – медленно, плавно, не касаясь земли, паря в паре сантиметров над мостовой. От нее тянуло холодом – не таким, как зимой на набережной, а могильным, глубоким, пронизывающим до костей.

– Не бойтесь, – прошелестел голос, похожий на шелест сухих листьев и скрежет ржавого металла. – Я не причиню вам вреда. Пока.

Фигура остановилась в трех шагах, и теперь они могли рассмотреть ее лучше. Под плащом угадывалось тело – или то, что когда-то было телом, – иссохшее, сморщенное, с длинными пальцами, на которых поблескивали перстни с черными камнями. Лицо... лица не было. Там, где должны быть глаза, нос, губы, колыхалась тьма, и только глаза-угли горели ненавистью и голодом.

– Вы взяли то, что принадлежит мне, – сказала фигура, и в голосе ее послышался металлический скрежет. – Камень времени. Я ждал его тысячу лет. Тысячу лет искал. А вы, жалкие смертные, взяли его просто так, играючи.

– Мы не знали, – выдохнула Аня, вжимаясь в Леню. – Мы случайно. Он лежал в снегу...

– В снегу? – переспросила фигура, и в голосе ее послышалось недоумение. – В снегу? Но сейчас лето. Тысячу лет лето. Я не чувствую зимы уже тысячу лет.

Леня вдруг понял. Он понял всё.

– Мы из будущего, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – Там была зима. Две тысячи двадцать третий год. Мы нашли камень, прикоснулись, и он перенес нас сюда. В две тысячи пятнадцатый.

Тишина повисла в переулке такая густая, что слышно было, как где-то далеко капает вода из прохудившейся трубы. Фигура замерла, и багровые глаза ее расширились – насколько вообще могло расширяться то, что их заменяло.

– Вы из будущего, – повторила она медленно. – Значит, камень работает. Значит, проклятие снято. Значит, я могу...

Она не договорила. Вдруг воздух вокруг нее сгустился, закрутился воронкой, и фигура начала меняться. Черный дым рассеивался, открывая иссохшее тело, которое вдруг стало наливать плотью, расправляться, молодеть. Тьма сползала с лица, и под ней проступили черты – человеческие, даже красивые: высокий лоб, тонкий нос, губы, сжатые в жесткую линию. Глаза – теперь уже не угли, а живые, человеческие глаза, темно-карие, почти черные, – смотрели на них с такой тоской, что у Лени перехватило дыхание.

Перед ними стоял мужчина лет сорока, высокий, статный, в длинном черном плаще, расшитом серебряными нитями, с тяжелым золотым медальоном на груди. Красивый той особенной, аристократической красотой, которая не зависит от времени. Но в глазах его застыла вечность одиночества.

– Кто вы? – прошептала Настя, впервые за всё время потерявшая свою самоуверенность.

– Меня зовут Северьян, – ответил мужчина, и голос его теперь звучал низко, с легкой хрипотцой, но без прежнего ужаса. – И я был магом тьмы. Когда-то. Тысячу лет назад. Пока не коснулся этого камня.

Он протянул руку, и на ладони его материализовался камень – точно такой же, как тот, что они нашли в палисаднике, только больше, размером с два кулака, и прожилки в нем пульсировали не золотом, а багровым светом.

– Этот камень создал мой брат, – продолжал Северьян, глядя на камень с ненавистью и любовью одновременно. – Мы были близнецами, свет и тьма. Я владел тьмой, он – светом. Мы правили этим миром, пока не поссорились. Из-за женщины, конечно. Всегда из-за женщины.

Он усмехнулся горько, и усмешка эта исказила его красивое лицо.

– Он создал камень, чтобы остановить время. Чтобы я не мог уйти к ней, не мог догнать, не мог вернуть. Я коснулся камня, и время для меня остановилось. Я превратился в то, что вы видели – в тень, в призрак, в существо, запертое между мгновениями. Я мог наблюдать, но не мог жить. Тысячу лет я скитался по миру, ища способ снять проклятие. И вот вы пришли. Из будущего. Вы взяли камень там, и это разорвало петлю. Я свободен.

Он поднял глаза к небу, вдохнул полной грудью, и Леня увидел, как по щеке его скатилась слеза – первая за тысячу лет.

– Я должен найти ее, – сказал Северьян тихо. – Она ждет. Я знаю. Я чувствую.

– Кого? – спросила Аня.

– Анну, – ответил маг, и имя это прозвучало как молитва. – Мою Анну. Она была смертной, и брат не простил мне этого. Он сказал, что я унижаю наш род, связываясь с человеком. Но я любил. И люблю до сих пор.

Он посмотрел на Аню долгим, пронзительным взглядом, и вдруг лицо его изменилось – стало растерянным, почти детским.

– Ты похожа на нее, – сказал он. – Очень похожа. Те же глаза, тот же изгиб бровей. Ты не знаешь, случайно... она могла быть твоей прапрабабкой?

Аня отшатнулась. Мысль о том, что она может быть потомком мага тьмы и его возлюбленной, была слишком дикой, слишком невероятной.

– Я не знаю, – прошептала она. – Я ничего не знаю о своей семье дальше прадеда.

– Времени нет, – Северьян вдруг заторопился, оглядываясь по сторонам. – Мой брат почувствует, что камень освободился. Он придет. Он захочет уничтожить меня, и всех, кто мне помог. Вас тоже. Вам надо уходить.

– Куда? – спросил Леня. – Куда мы пойдем? Мы даже не знаем, как вернуться в свое время.

– Камень, – Северьян кивнул на карман Лени, где лежал тот самый черный булыжник. – Он перенесет вас обратно. Но только если вы сами этого захотите. Камень времени подчиняется желанию. Чего вы хотите больше всего?

Леня посмотрел на Аню. Аня смотрела на него. В этом взгляде было всё – и страх, и надежда, и то новое, что родилось между ними за эти несколько часов, перевернувших мироздание.

– Я хочу, чтобы мы были вместе, – сказал Леня просто. – В любом времени.

– Тогда идите, – Северьян махнул рукой, и перед ними открылся портал – крутящаяся воронка из света и тьмы, в центре которой угадывались очертания зимней набережной. – Идите, пока брат не настиг вас. А я найду свою Анну. Даже если придется искать еще тысячу лет.

Он улыбнулся – впервые за тысячелетие улыбнулся по-настоящему, светло, почти счастливо.

– Спасибо вам, дети. Вы вернули мне жизнь.

И прежде чем они успели ответить, фигура его растаяла в воздухе, оставив после себя лишь запах озона и легкий дымок.

Леня схватил девушек за руки и шагнул в портал. Настя вскрикнула, но было поздно – воронка затянула их, закружила, понесла сквозь годы и пространства, сквозь зимы и весны, сквозь любовь и смерть, туда, где ждал их настоящий миг.

Портал вышвырнул их на снег жестко, без церемоний. Леня упал на четвереньки, зачерпнув полные рукава ледяной крупы, Аня кубарем покатила куда-то в сторону, и только Настя, с кошачьей грацией удержавшись на ногах, оглядывалась по сторонам с выражением дикого восторга на лице.

– Это было... охренеть, – выдохнула она, поправляя растрепавшиеся волосы. – Я хочу еще.

– Ты сумасшедшая, – простионала Аня, поднимаясь из сугроба и отряхиваясь. Пальто ее, то самое, кофейное, было все в снегу, алый берет сбился набок, но она улыбалась – улыбалась так, как не улыбалась, наверное, никогда в жизни.

Леня встал, оглядываясь. Они были на той же набережной, откуда ушли час – или тысячу лет – назад. Снег все так же валил с неба крупными хлопьями, Нева тяжело дышала под ледяной коркой, фонари горели тем же желтым, уютным светом. Но что-то изменилось. Воздух был другим – густым, напряженным, будто перед грозой. И тишина стояла не та, зимняя, уютная, а зловещая, выжидающая.

– Где ресторан? – спросила Настя, озираясь.

Леня посмотрел туда, где еще недавно горели теплые окна «Кристалл-95». Там была тьма. Черная, непроницаемая, густая, как смола, стена мрака, за которой не угадывалось ни огонька, ни очертаний здания.

– Оно поглотило их, – раздался голос сзади, и они резко обернулись.

На парапете набережной, в двух шагах от них, сидела девушка. Она была прекрасна той дикой, нечеловеческой красотой, от которой перехватывает дыхание и холодеет внутри. Длинные, пепельно-белые волосы развевались на ветру, хотя ветра не было. Глаза ее горели янтарным светом, как у хищной птицы, а одета она была в кожаную броню, облегающую стройную фигуру – темно-зеленую, с золотыми вставками, расшитую листьями и ветвями. За плечами у нее висел колчан, полный стрел с оперением цвета осенней листвы, а в руках она сжимала лук – но лук этот был необычный. Он горел.

Пламя лизало дровяно, не обжигая пальцев девушки, переливалось от золотого к багровому, от багрового к синему, и свет от него разгонял тьму вокруг, создавая островок тепла и жизни посреди зимнего ада.

– Кто вы? – выдохнул Леня, заслоня собой девушек.

– Меня зовут Яра, – ответила лучница, спрыгивая с парапета легко, как падающий лист. – Я хранительница этого времени. И я пришла предупредить вас.

– Предупредить? О чем? – Настя, оправившись от первого потрясения, смотрела на лучницу с нескрываемым любопытством. – И где Марат? Где мой Марат?

– Тот, кто был с вами, в плену, – спокойно ответила Яра, и в голосе ее послышалась печаль. – Брат Северьяна, маг света по имени Радомир, захватил ресторан и всех, кто там был. Он ждет вас. Вернее, ждет камень.

– Откуда вы знаете про камень? – спросила Аня, инстинктивно прижимаясь к Лене.

– Я знаю всё, что происходит в этом городе, – Яра подняла лук, и пламя на нем вспыхнуло ярче, осветив ее лицо – тонкое, острое, с высокими скулами и полными губами, на которых застыла горькая складка. – Я слежу за равновесием уже пятьсот лет. С тех пор, как братья поссорились и разорвали мир надвое. Свет и тьма перестали быть просто словами – они стали оружием. И теперь Радомир хочет заполучить камень времени, чтобы переписать историю. Чтобы сделать так, будто Анна никогда не существовала. Чтобы Северьян никогда не любил.

– Но Северьян свободен, – сказал Леня. – Мы освободили его.

– Знаю, – кивнула Яра. – Я чувствую его присутствие в этом времени. Он ищет свою возлюбленную. И это опасно. Если он найдет ее раньше, чем Радомир остановит его, равновесие нарушится окончательно. Мир может рухнуть.

– Так чего вы хотите от нас? – Настя уперла руки в бока, и даже в этой позе, в сбившейся шубке, с растрепанными волосами, она выглядела величественно. – Мы простые люди. Мы не умеем колдовать, не умеем стрелять из огненных луков. Что мы можем?

– Вы можете отдать мне камень, – сказала Яра, протягивая руку. – Я уничтожу его. Это единственный способ восстановить равновесие.

Леня почувствовал, как камень в кармане его куртки нагрелся – сначала чуть-чуть, потом сильнее, потом так, что стало жечь бедро даже сквозь ткань. Он сунул руку в карман и вытащил его. Камень пульсировал золотом, но теперь в этом золоте появились багровые прожилки – такие же, как на камне Северьяна.

– Он не хочет к вам, – сказал Леня, глядя на лучницу. – Он сопротивляется.

Яра нахмурилась, и янтарные глаза ее сузились.

– Камень не может хотеть. Это просто артефакт. Отдай его мне.

– Нет, – вдруг сказала Аня, выступая вперед. – Леня прав. Камень живой. Я чувствую. Он выбрал нас. Если бы он хотел быть уничтоженным, он бы не привел нас сюда, не вернул бы в прошлое, не познакомил бы с Северьяном.

– Глупая смертная, – в голосе Яры послышалось раздражение. – Ты не понимаешь, с чем играешь. Этот камень может разрушить всё. Вашу любовь, вашу жизнь, ваш мир. Отдай его мне, пока не поздно.

– А если поздно? – раздался голос из тьмы.

Все обернулись. Из черной стены, поглотившей ресторан, вышел человек. Он был красив – так же красив, как Северьян, но красота его была другой: холодной, светлой, почти неземной. Белые, как снег, волосы падали на плечи, глаза горели серебром, а длинный плащ из свтящейся ткани струился за ним, как живой. В руке он сжимал посох, увенчанный хрустальным шаром, внутри которого кружились снежинки.

– Радомир, – выдохнула Яра, вскидывая лук.

– Не стреляй, хранительница, – маг света поднял руку, и в голосе его послышалась усталость тысячелетий. – Я не за этим пришел. Я пришел мириться.

– Мириться? – Яра рассмеялась, но смех ее прозвучал горько. – После тысячи лет вражды? После того, как ты запер брата во тьме? После того, как убил Анну?

– Я не убивал Анну, – тихо сказал Радомир, и в голосе его послышалась боль. – Она умерла сама. От старости. Она была смертной, Яра. Я не мог этого изменить. Я только хотел, чтобы брат не страдал, глядя на ее увядание. Я запер его во времени, чтобы он сохранил память о ней молодой и прекрасной. А не видел, как она стареет, болеет, уходит.

Он шагнул вперед, и свет от его плаща разогнал тьму вокруг. Теперь стало видно, что ресторан цел – просто был окутан черным коконом, который сейчас таял, исчезал, открывая теплые окна и уютный свет внутри.

– Я освободил их, – кивнул Радомир на ресторан. – Твоего друга, – он посмотрел на Настю, – и всех остальных. Они не пострадали.

– Где Северьян? – спросил Ленья, сжимая в руке камень.

– Ищет, – грустно улыбнулся Радомир. – Ищет свою Анну. Но он не найдет. Она умерла девятьсот лет назад. Я похоронил ее сам, тайно, чтобы брат не знал. Он думал, что она ждет его все это время. А ее нет.

Тишина повисла над набережной. Снег падал и падал, укрывая город белым саваном, и в этом падении было что-то похоронное, безнадежное.

– Ты должен сказать ему, – прошептала Аня, и слезы текли по ее щекам, замерзая на лету. – Ты должен сказать правду.

– Не могу, – Радомир покачал головой. – Если я скажу, он проклянет меня навеки. Он будет ненавидеть. И война вспыхнет снова, страшнее прежней.

– А если скажу я? – спросил Ленья.

Все посмотрели на него. Камень в его руке горел ярко, золотые прожилки пульсировали в такт сердцу.

– Камень знает, – сказал Ленья. – Он показывает мне. Анна не умерла. Она ждала. Она превратилась в лучницу, в хранительницу времени, чтобы быть рядом с ним, даже не помня себя.

Он повернулся к Яре, и глаза его расширились.

– Это ты, – прошептал он. – Ты – Анна.

Яра замерла. Лук в ее руках дрогнул, пламя на миг погасло и вспыхнуло снова, но теперь оно было другим – золотым, теплым, живым.

– Что? – выдохнула она. – Это невозможно. Я не помню... я ничего не помню до того дня, как стала хранительницей.

– Камень стер твою память, – сказал Радомир, и голос его дрожал. – Я не знал. Клянусь, я не знал. Я думал, ты просто дух, рожденный временем. А ты... ты была здесь всё это время. Рядом. И я не видел.

Из тьмы, клубящейся на краю набережной, выступила фигура. Северьян стоял и смотрел на Яру, и в глазах его была вселенная боли и надежды.

– Анна, – прошептал он, делая шаг вперед. – Это правда? Это ты?

Яра смотрела на него, и в глазах ее, янтарных, прекрасных, что-то менялось. Там, в глубине, загорался свет – не тот, холодный, магический, а живой, человеческий, женский.

– Я не помню, – прошептала она. – Но сердце... сердце помнит.

Она уронила лук. Пламя погасло, и лук упал в снег, зашипев, как змея. Она сделала шаг навстречу Северьяну, потом еще один, и вдруг побежала – побежала к нему, раскинув руки, и ветер развеивал ее пепельные волосы, и снег огибал ее, будто боясь коснуться.

Они встретились посередине набережной, под фонарем, в свете которого кружились миллионы снежинок. Северьян подхватил ее на руки, прижал к себе, и тысяча лет одиночества растаяла в этом объятии, как утренний туман.

– Я помню, – прошептала Яра, и голос ее звучал уже по-другому – мягче, теплее, человечнее. – Я помню наш сад, помню сирень, помню, как ты дарил мне этот камень... тот самый, маленький, на память. Я носила его на шее, пока... пока не потеряла в том дворе.

– В две тысячи пятнадцатом, – сказала Аня тихо. – Я нашла его. Вернее, сережку. Но камень... камень был там. Под сиренью.

– Круг замкнулся, – произнес Радомир, и в голосе его не было больше вражды – только усталость и облегчение. – Тысячелетняя петля разорвана. Они снова вместе.

Он повернулся к Лене и Ане, и серебряные глаза его потеплели.

– Вы спасли нас всех. Спасли моих брата и ту, кого он любит. Спасли равновесие. Я в долгу перед вами.

– Нам не нужно ничего, – сказал Леня, глядя на Аню. – Кроме... кроме возможности жить. Просто жить.

Радомир улыбнулся – светло, почти по-человечески.

– Живите, – сказал он. – И знайте, что время теперь течет для вас правильно. Камень сделал свое дело. Он вернется туда, откуда пришел, и будет ждать следующего, кому понадобится чудо.

Он взмахнул рукой, и камень в ладони Лени вспыхнул в последний раз, рассыпался золотой пылью, и пыль эта унеслась ветром в ночь, смешиваясь со снегом, исчезая навсегда.

Дверь ресторана распахнулась, и оттуда выбежал Марат – растрепанный, взволнованный, но живой и невредимый.

– Настя! – закричал он, увидев ее. – Ты жива!

Она бросилась к нему, и они встретились в объятии, таком же крепком и жадном, как у Северьяна с Ярой.

А Леня стоял, обнимая Аню, и смотрел на Неву, на снег, на фонари, на весь этот прекрасный, живой, дышащий город, и думал о том, что чудеса случаются. Особенно зимой. Особенно в Петербурге. Особенно когда рядом есть тот, ради кого хочется жить.

Снег падал не переставая, и в его белом безмолвии фигуры на набережной казались призраками, случайно задержавшимися в мире живых. Северьян и Яра стояли обнявшись, и время для них действительно остановилось – но теперь это было блаженное, желанное замирание, а не проклятие. Радомир смотрел на них с выражением, в котором смешались вина, облегчение и давно забытая нежность.

– Нам пора, – тихо сказала Яра, отстраняясь от Северьяна, но не выпуская его руки. – Хранительница не может покинуть свой пост надолго. Равновесие требует присмотра.

– Я пойду с тобой, – ответил Северьян, и в голосе его не было и тени сомнения. – Хватит с меня тысячелетий в одиночестве.

Радомир шагнул к брату, протянул руку.

– Прости меня, – сказал он просто. – Я думал, что защищаю тебя. Я ошибался.

Северьян посмотрел на протянутую руку долгим взглядом. Тысяча лет вражды, тысяча лет ненависти, тысяча лет боли – могло ли это исчезнуть в одно мгновение? Но рядом стояла Яра, и ее присутствие делало всё возможным.

Он пожал руку брата.

– Мы еще поговорим, – сказал он. – У нас будет вечность для разговоров. А сейчас... сейчас я хочу просто быть с ней.

Они растворились в снегопаде – не ушли, не исчезли, а именно растворились, став частью этой зимней ночи, частью города, частью вечности. И только легкое золотистое свечение еще несколько мгновений дрожало в воздухе там, где они только что стояли.

Радомир проводил их взглядом, потом повернулся к Лене, Ане, Насте и подбежавшему Марату.

– Вам тоже пора, – сказал он мягко. – Ваше время – здесь и сейчас. Живите, любите, ошибайтесь, прощайте. Всё это и есть жизнь.

– А вы? – спросил Леня. – Что будет с вами?

– Я буду присматривать за равновесием, – улыбнулся маг света. – Это моя судьба. И знаете... я не против. После тысячи лет одиночества начинаешь ценить даже такую работу.

Он взмахнул посохом, и снег вокруг них закружился в бешеном танце, скрывая город, набережную, ресторан – всё. На мгновение Лене показалось, что они снова летят сквозь время и пространство, но нет – это просто снег, просто зимняя буря, просто Петербург, который никогда не перестает удивлять.

Когда снежная завеса рассеялась, они стояли на той же набережной, но ресторан «Кристалл-95» сиял огнями, как ни в чем не бывало, и внутри угадывались силуэты посетителей, и музыка играла тихо, и жизнь шла своим чередом.

– Пойдемте внутрь, – предложил Марат, обнимая Настю за талию. – Я, кажется, не допил свой кофе. И мне есть что обсудить с этой прекрасной девушкой.

– Согласна, – Настя улыбнулась той самой опасной улыбкой, но теперь в ней не было игры – только счастье.

Они направились к дверям ресторана, но Леня задержался на мгновение, глядя на Неву. Аня стояла рядом, прижимаясь к его плечу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.